

УГЛЕВА Наталья Владимировна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела дерева и мебели
Государственного исторического музея,
Москва, Российская Федерация

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation
and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
uglevan@ya.ru

УДК: [645.412.1:929.731(470+571)“16”]:[93/94+7.072.5“18/20”]

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.006

ГРНТИ: 13.51.09

ВАК: 5.10.2.

Опыт атрибуции тронного кресла царя Алексея Михайловича Романова и «косяного трона» в XIX–XXI веках

The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries

В статье уточняется атрибуция двух тронных кресел («алмазного трона» и «косяного трона») из собрания Оружейной палаты, датировка и происхождение которых до настоящего времени не были точно установлены. Материалами послужили сами изучаемые предметы мебели, архивные источники, опубликованная документация дворцовых приказов и Архива Оружейной Палаты, коронационные альбомы, а также результаты предшествовавших исследований. Выявлены обстоятельства появления «алмазного трона» в кремлевской сокровищнице, сделан вывод о датировке его создания XV–XVI вв. и первоначальном изготовлении работавшими в Иране европейскими мастерами. Появление «косяного трона» датируется периодом не ранее 1621 г. На основе источников первой половины XVII в. описывается подобный объект – «большой косяной стул», предполагается, что два данных предмета фактически являются одним и тем же артефактом, восходящим к XIV в. и за время своего бытования пережившим множественные реконструкции и изменения.

Ключевые слова: атрибуция, тронные кресла, косяной трон, алмазный трон, царь Алексей Михайлович Романов.

Памятники мебельного искусства представлены во многих музеях мира. Путь диалога с посетителем через предметы мебельного искусства – распространенный прием в музейной практике. Эти крупные яркие объекты, художественное решение которых часто поражает богатством и изысканностью убранства, демонстрируют талант мастеров, создавших форму и декоративную отделку с применением разнообразных техник и материалов, продумавших функциональность предметов мебели. Такие экспонаты в первую очередь привлекают внимание и надолго остаются в памяти посетителей. Именно поэтому особую актуальность приобретает их точная атрибуция, которая должна осуществляться на основании комплексного изучения соответствующих артефактов. Она включает определение стилистики, степени аутентичности, времени, места, технологии изготовления, а иногда – установление автора проекта, мастера, фабрики, конкретного художественного центра. Кроме того (что является весьма важным качеством для музейного предмета), в задачу исследования входит выявление истории каждого из них, то есть места и среды бытования, имен владельцев, связей с конкретными историческими событиями. Такой аспект научных изысканий позволяет определить первоначальную принадлежность предметов до включения их в фонд музея, что в профессиональной терминологии называется провенансом.

Исторические сведения особенно информативны, так как включают объективную характеристику – время и источник поступления, часто являющиеся отправной точкой для определения прежних хозяев, а в перспективе – обстоятельств происхождения предметов. Этот подход значим в музейном деле в целом, но особенно актуален при изучении мебели из-за специфики исследования этой отрасли прикладного искусства, заключающейся в отсутствии традиций клеймения либо фиксации других авторских знаков на подавляющем большинстве изделий. Таким образом, источник поступления можно отнести к важнейшим исходным данным для применения избранной методики изучения конкретного объекта.

Однако некоторые исследования могут продолжаться на протяжении нескольких ве-

ков. Примером тому – два предмета из собрания Музеев Московского Кремля – тронные кресла, которые с XIX по XXI вв. упоминались в публикациях различного характера. Трудно назвать другие мебельные экспонаты, сравнимые с указанными по популярности среди исследователей, по которым они до настоящего времени не пришли к единому мнению по ряду вопросов атрибуции. Хотя, что необычайно важно отметить, никто из обращавших свое внимание на эти артефакты не рассматривал их с точки зрения именно объектов мебельного искусства. Они всегда были значимы в силу двух своих качеств – высочайшей материальной стоимости (благодаря использованному в их отделке драгоценным металлам и минералам) и мемориальному значению (собственность монархической династии Романовых) – и изучались только с этих двух позиций. Подобная практика берет начало с XVII в. – с момента поступления в кремлевское имущество, когда придворные дары были описаны и помещены в казнохранилище.

Следует отметить, что первоначальные описания этих предметов были крайне скудны и сводились, подчеркиваем, к фиксации их драгоценного убора, не включая характеристику формы с выделением конкретных ее особенностей, пригодных для последующей идентификации. Именно поэтому до сих пор нет достаточной ясности, к какому классу предметов они относились. Появившиеся в XVIII в. изображения в коронационных альбомах связали их внешний вид с историей поступления, но и здесь с течением времени возникали разночтения, отмеченные учеными, пытавшимися подтвердить сложившиеся легенды или опровергнуть их.

Исследование призвано уточнить атрибуцию двух тронных кресел («алмазного трона» царя Алексея Михайловича и «костяного трона»), находящихся в собрании Оружейной палаты, датировка и происхождение которых до настоящего времени являются объектами научных дискуссий. Материалами при этом послужили сами изучаемые предметы мебели, документы Российского государственного архива древних актов, опубликованная документация дворцовых приказов и Архива Оружейной Палаты, коронационные альбомы, а также

результаты предшествовавших исторических, искусствоведческих и музееведческих исследований, проводившихся различными учеными на протяжении почти двухсот лет.

В процессе научных изысканий изучаемые артефакты впервые рассмотрены именно как объекты мебельного искусства с применением компаративного метода, стилистического анализа, методов исследования, используемых в историческом источниковедении и профильных вспомогательных научных дисциплинах, а также методы и приемы установления текста.

Достижение целей настоящего исследования будет способствовать совершенствованию методики музейной атрибуции предметов мебельного искусства и других преимущественно редких и ценных экспонатов, имеющих сложный провенанс.

Тронное кресло¹ царя Алексея Михайловича Романова, именуемое в публикациях «трон царя Алексея Михайловича», одно из самых роскошных и дорогостоящих тронных кресел, использовавшихся в церемониях венчания на царство представителей династии Романовых на протяжении почти двух с половиной столетий. Также оно известно под названием «алмазный трон», что обусловлено включением в декоративное оформление большого количество этих драгоценных камней (Рис. 1, 2).

Дата «1659», вышитая на обивке спинки, зафиксирована на этикетке [11] в экспозиции Оружейной Палаты и впоследствии отражена в литературе. Таким образом, время изготовления предмета привязано к 50-м гг. XVII в. и никогда не оспаривалось учеными, не подвергалось сомнению.

В известных атрибуциях разночтения имеются лишь по поводу обстоятельств включения кресла в состав кремлевской сокровищницы. Так, в экспозиционной этикетке отражено мнение сотрудников музея, которые связывают этот предмет с именем Захария Сарадарова, доставившего его ко двору царя Алексея Михайловича из Ирана в 1660 г. Они называют

¹ Тронное кресло – образец парадной мебели для официальных приемов, в том числе для размещения в композиции трона. В нашем тексте будет использоваться именно эта актуальная современная терминология.

этого человека заказчиком и представителем армянской торговой компании [11]. Донатором кресла, по мнению И. И. Вишневецкой, являлся все же не конкретный персонаж, а в целом армянская торговая компания из Новой Джульды, которая получила эксклюзивное право на провоз товаров в Европу через территорию России [3, с. 203]. А. Ф. Малиновский в своей статье «О креслах царя Алексея Михайловича» [6, с. 120–124], опубликованной в 1807 г., придерживается аналогичной точки зрения. В ней подробно описаны обстоятельства доставки и дарения «армянином Сарадовым»² драгоценного кресла от имени «торговой в Испагани Армянской компании» [6, с. 120]. По вопросу оценки трона исследователями также высказывались различные версии, выражающиеся в его стоимостной оценке 24 444 рублями [6, с. 120] или 22 591 рублями 60 алтынами [3, с. 203].

Как мы уже отмечали, в материалах архива Московской Оружейной палаты это тронное кресло фигурирует неоднократно, и датой его включения в кремлевское имущество в качестве дара, преподнесенного царю Алексею Михайловичу, называется 1660 г.

С целью установления имени заказчика этого уникального произведения мебельного и ювелирного искусства обратимся к текстам. Так, упоминание о поступлении в дар кресла зафиксировано в документе 1763 г. под названием «Выписка из статейных списков, хранящихся в архиве Министерства Иностранных дел, о вещах, поднесенных иностранными послами русским государям от царя Иоанна Васильевича Грозного до императора Петра Великого»: «7168/1660 Великому Государю Царю Алексею Михайловичу челом ударил Кизилбашского Шахова ближнего человека Ихто Моделетев купчина арменин Захарей Сарадаров в дарех: Кресла оправлены золотом с камени и с алмазы и с яхонты и с земчуги. По оценке 22,5891 20 алтын³» [10, л. 15].

Из анализа текста следует, что в 1660 г. к царю Алексею Михайловичу обратился («челом ударил») с просьбой и/или с подарками

² Здесь употреблена фамилия не «Сарадаров» (?), а «Сарадов», которая упоминается в известных автору письменных источниках (прим. авт.).

³ Цифра «8» перечеркнута косой линией сверху вниз слева направо. – Н. У.

некто Ихто Моделетев. В документе он значится как «ближний человек», что истолковывается авторами «Словаря русского языка XI–XVII вв.» как доверенное лицо [14, с. 239], который приехал по поручению кизилбашского шаха. Его сопровождал купец-армянин Захарий Сарадаров. При перечислении даров употреблено слово «кресла», значение которого в том же издании считается производным множественного числа от единственного «кресло» [17, с. 39]. Также во множественном числе упоминается, что они украшены золотом и драгоценными камнями, алмазами, рубинами, сапфирами, жемчугом, что оценивается в 22 591 рубль 20 алтын.

Считаем возможным выдвинуть пред-

Рис. 1. Тронное кресло царя Алексея Михайловича Романова. Вид в фас [13, № 62]
Fig. 1. Throne chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov. Front view [13, No. 62]

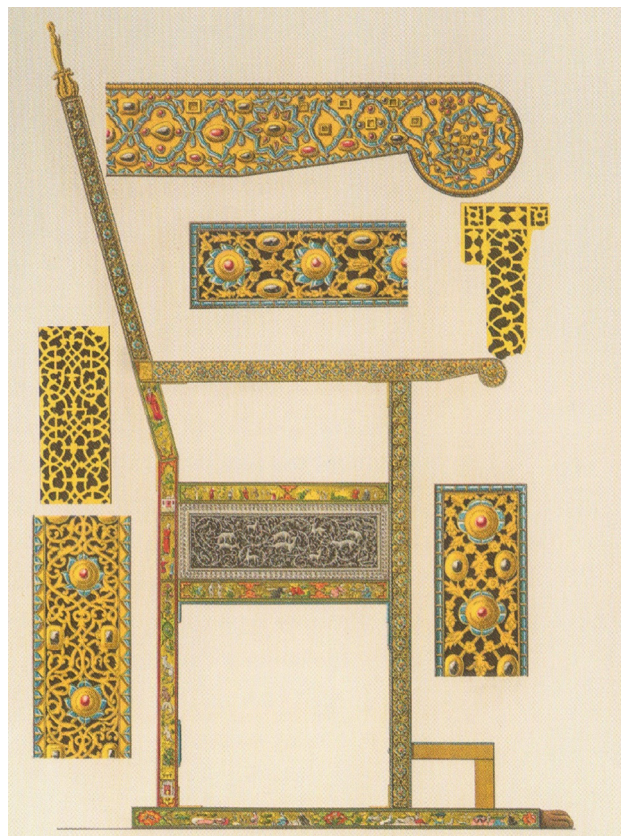

Рис. 2. Тронное кресло царя Алексея Михайловича Романова. Вид в профиль [13, № 63]

Fig. 2. Throne chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov. Profile view [13, No. 63]

положение о том, что речь в источнике может идти о нескольких предметах, как минимум, о двух. Это положение, по нашему мнению, имеет реальное подтверждение, так как в собрании Музеев Московского Кремля находится еще один раритет, который изготовлен в той же манере и мог бы составить пару исследуемому нами экспонату. Это приписываемое другому русскому царю – Михаилу Федоровичу Романову – тронное кресло, история появления которого среди царского имущества до сих пор остается неопределенной. Т.В. Филатова в своей статье, посвященной этому памятнику, выдвигает мнение, которое поддерживают и другие исследователи: «...история трона царя Михаила Федоровича и обстоятельства его появления в казне загадочны и неоднозначны» [20, с. 108].

Возвращаясь к тронному креслу Алексея Михайловича, обратимся к описи «Реестр цар-

ских регалий, а также золотой и серебряной посуды, составленный по распоряжению князя Потемкина капитаном Оболдуевым в 1776–1778 гг.: «Кресла... царю и в. кн. Алексею Михайловичу от кизылбашского ближнего человека Истома Давлетела, привез купчина Захарий в 1660 году» [19, с. 48]. В данном источнике в качестве дарителя трона русскому царю выступает уже упоминавшееся доверенное лицо кизылбашского шаха (Аббаса I) Ихто Моделетев, который здесь назван на славянский лад распространенным именем «Истома», а второе имя «Давлетел» является производным от названия государства Доулет-е Кызылбаш и определяет происхождение дарителя. Известный нам уже «купчина арменин Захарей Сарадаров» представлен в «Выписке из статейных списков...» как перевозчик (или, в современном понимании, представитель транспортной компании), осуществлявший доставку. Эта персона составителю «Реестра царских регалий...» казалась столь незначительной, что его национальность и фамилия вовсе не упоминаются в тексте, а остается лишь «купчина Захарий».

В результате анализа приведенных архивных материалов можно сделать окончательный вывод, что тронное кресло преподнесено Ихто Моделетевым, «ближним человеком», то есть доверенным лицом шаха. Доставка же его в Москву была осуществлена армянским купцом Захарием Сарадаровым.

В коронационном альбоме русской императрицы Анны Иоанновны данное кресло также именуется подарком именно персидского шаха: «Кресло присланное от Шаха Персидского которое в Грановитой Палате на троне стояло...» [8, с. 5]. В другом альбоме, посвященном коронации императрицы Елизаветы Петровны, оно представлено, как «кресла, стоящие на троне в Грановитой палате» [7, ил. 33] без какого-либо упоминания о принадлежности второму из Романовых.

Только в начале XIX в. предмет обрел статусное имя «кресла Царя Алексея Михайловича» [6, с. 121], как это зафиксировано в издании А. Ф. Малиновского, где автором было отражено мемориальное значение музейного предмета, объединившее его изображение, название и обозначившее принадлежность

конкретному русскому царю, включая легенду о заказчиках-армянах, правда, без ссылки на основополагающие источники этих сведений.

Изображения трона, представленные во всех упомянутых публикациях, крайне важны. Это наиболее ранняя фиксация внешнего вида предмета, так как документальные свидетельства содержали лишь информацию о его ювелирном декоре, на основе которой невозможно представить, как выглядело кресло, и идентифицировать его среди других раритетов.

Для определения места и времени создания памятника необходимо провести первичное исследование на основании его описания и последующего анализа информации. Для этого отстранимся от изложенных в источниках и литературе фактов исторического характера и попытаемся рассмотреть экспонат с точки зрения развития мебельного искусства.

Форма тронного кресла отражает принятые в Европе принципы создания кресел эпохи Возрождения. Среди наиболее характерных признаков ренессансной мебели – облегченная система конструкции и решение подлокотников в виде выступающих за пределы сиденья уплощенных брусков. Исходя из этого, можно констатировать, что предмет был выполнен европейскими мастерами, которые работали и при персидском дворе. Время же его создания следует отнести к XV–XVI вв. Привычное датирование артефакта серединой XVII в., когда в Европе, в том числе и в России, установился стиль барокко, широко использовавший в декоре мебели объемную резьбу и точеные детали, кажется несостоятельным. Изготовление подарка для одного из могущественнейших монархов с использованием устаревших художественных и технических приемов кажется абсурдным.

Еще одно наблюдение: корпус трона практически полностью украшен накладными пластинами со вставками из драгоценных камней, подчеркивающими горизонтальное и вертикальное членение. На фасадной царге помещена композиция со слонами и наездниками в чалмах, имеющая ярко выраженный

ориентальный характер индийского происхождения. Убор из драгоценных материалов сосредоточен главным образом на видимых частях трона. Однако, судя по рисункам Ф. Г. Солнцева [13], брусочная конструкция задней части, опорная часть с торцов и даже устои спинки в месте примыкания к сиденью с фасада покрыты изумительной по качеству полихромной миниатюрой, возможно, темперного письма.

Удивительная по своему многообразию тематика миниатюр объединена в общую композицию и включает библейские и бытовые сюжеты, почерпнутые из европейской и восточной культур, она создает впечатление иллюстративного материала к знаменитому труду Марко Поло «Книга о разнообразии мира». Скорее всего, ювелирная декорация и вышивка на спинке появились позже, а первоначально остов был покрыт дивными росписями. Если принять это во внимание, становится очевидно, что кресло было изготовлено задолго до 1659 г., как уже указывалось, в XV–XVI вв.

Если нижняя часть кресла декорирована драгоценными пластинами, то главным украшением спинки является вышивка с изображением двух ангелов с трубами, поддерживающих корону, и надпись на латыни «POTENTISSIMO ET INVICTISSIMOMOS KOVITARVM IMPERA / TORIALEXIOINTE-RRISFELICITER REGNANTINICTRO- / NVSSVMNAARTE ETINDVSTRIAFABR- EFACTVSSITFVTVRIIN / CELISETPEREMIS EAVSTVMFELIXQVE OMEI.AIIIOXRIS TI / 1659».

Пренебрегая различными ошибками, написаниями «е» («Е» вместо «F») и зеркальными «N», что можно объяснить неграмотностью или невнимательностью исполнителя вышивки, текст следует читать: «Potentissimo et Invictissimo Moscovitarum Imperatori ALEXIO in terris feliciter regnanti hic thronus summa arte et industria fabrefactus sit futuri in coelis et perennis faustum felixque omen. Anno Christi 1659», что переводится с латыни, как «Могущественнейшему и Непобедимейшему Императору Московитов Алексею, счастливо царствующему на земле, сей трон, с величайшим искусством и тщанием изготовленный, да будет будущего на небесах и вечного [трона] благоприятным

и счастливым предзнаменованием. В год [от Рождества] Христова 1659»⁴.

Как можно заметить, ориентальной стилистике ювелирного великолепия противопоставлена строгая манера решения спинки, базирующаяся на христианской символике, нарочито подчеркнутой дополнительно композицией наверху, включающей скульптуры апостолов: слева – Петра, справа – Павла. Очевидна и идейная программа произведения, которая заключается в прославлении русского царя, что отражено в тексте вышивки и подкрепляется материальной составляющей.

Подводя итог, следует констатировать, что, по нашему мнению, кресло было выполнено в XV–XVI вв. в ренессансной традиции мастерами, работавшими в Персии. Этот вывод сделан на основании наличия напоминающих лаковые произведения полихромных росписей, которые находятся под металлическим декором. В более поздний период кресло украсили драгоценными камнями и металлом. Возможно, что одновременно с этим или спустя время была создана вышивка на спинке, явно по специальному заказу, что повысило предмет в статусе и отнесло к разряду дорогого подарка, отмеченного датой преподнесения.

Это кресло – «алмазный трон» – являлось одним из самых востребованных предметов во время коронационных торжеств, фигурируя на соответствующих церемониях с 1730 г. и в течение всего XIX в., однако по сей день его атрибуцию нельзя считать окончательной. В этом удивительном артефакте соединились послойно сохранившиеся традиции различных культур, требующие внимательного комплексного изучения и осмысления полученных результатов.

Еще одно знаменитое тронное кресло из собрания Музеев Московского Кремля известно как «костяной трон» (Рис. 3, 4). Обычно он ассоциируется с царем Иваном IV Грозным

⁴ Анализ и перевод текста. – Шичалин Ю. А. Шичалин Юрий Анатольевич – советский и российский филолог-классик, историк философии, переводчик, издатель; канд. филол. наук, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой древних языков и древнехристианской письменности ПСТГУ; член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по теологии.

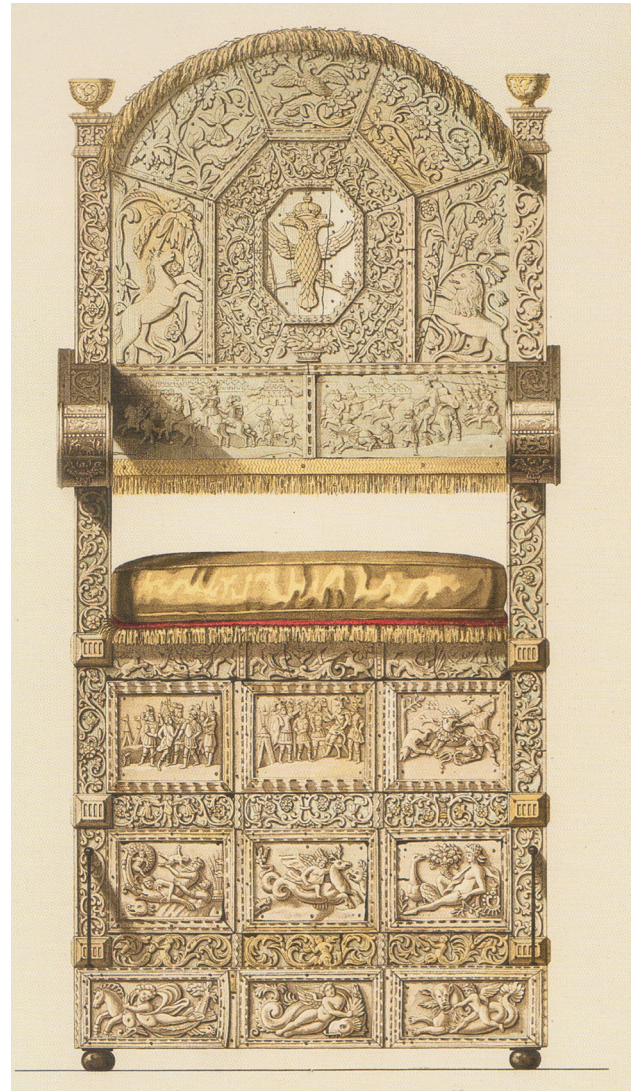
благодаря скульптуре М. М. Антокольского, изваявшего русского властителя сидящим на нем.

Несмотря на долгую историю своего пребывания сначала в казнохранилище, затем в музеях Московского Кремля, основные вопросы атрибуции этого предмета до сих пор остаются неразрешенными. Например, отсутствует однозначная датировка памятника. Сегодня она варьируется между XVI в. [21, с. 43] (серединой XVI в. [11], его второй половиной [12]) и рубежом XVI и XVII столетий [11]. В одном из первых отечественных специальных изданий о русской мебели Д. Д. Иванов пишет: «Несомненно, однако, что он сделан заново или по меньшей мере сильно обновлен в XVII столетии» [4, с. 11].

Неизвестно и место создания этого раритета: в разные периоды он относился к немецким [12], западноевропейским [1, с. 26] и европейским [21, с. 43] образцам, считался греческим «самой старинной работы» [6, с. 110]. Кресло причислялось и к «произведениям итальянского ренессанса» [11], что определяло место его происхождения и временные рамки создания: начало XIV – первые десятилетия XVII вв. Однако стилистика, разработанная итальянскими мастерами, широко распространилась по европейским странам. На разных исторических этапах выполнялись предметы мебели как с яркими региональными признаками, так и копировавшие или подражавшие итальянским первоисточникам, что, безусловно, крайне затрудняет выявление места изготовления произведений мебельного искусства этого периода.

Кремлевский «костяной трон» представляется нам именно транслирующим заимствованием. Собственно, принципы создания мебели периода Возрождения отразились в этом предмете лишь в использовании гротесковых изображений в декоре спинки и в форме подлокотников, выступающих за периметр основания, в то время как его корпус нарочито сохраняет архаичные черты, восходящие еще к романскому искусству.

До настоящего времени не обнаружены документы, фиксирующие источник поступления предмета [12]. Легенда о принадлеж-

*Рису 3. Тронное кресло «Костяной трон».
Вид в фас [13, № 84]*

*Fig. 3. Throne chair "The Ivory Throne".
Front view [13, No. 84]*

ности трона супруге великого князя Московского Ивана III Софье Палеолог в составе приданного сегодня считается несостоятельной [12].

При первом взгляде на кремлевский экспонат возникает ассоциация с его дальним предшественником – костяным тронном VI в., выполненным византийскими мастерами для архиепископа Максимиана Равеннского. Оба предмета имеют основание ящичного типа, брусочные устои, украшенные резным растительным побегом, корпус, декорированный резными костяными пластинами с различными сюжетами, в том числе библейскими. Воз-

Рис. 4. Тронное кресло «Костяной трон». Центральная часть спинки [13, № 98]
 Fig. 4. Throne chair «Bone Throne». Center back [13, No. 98]

можно, в основе их художественно-идейного решения общий образец – знаменитый трон царя Соломона, из описания которого в Библии были заимствованы некоторые приемы изготовления: применение слоновой кости, круглые очертания завершения спинки.

Монолитная опора тронного кресла напоминает конструкцию кабинета – одной из разновидностей корпусной мебели, снабженной множеством ящиков. Однако вместо них здесь присутствуют лишь их имитации – фасады в виде прямоугольных панелей. Они обрамлены волнистым профилем, называемым «флемованным дорожником», получившим широкое распространение в европейском искусстве. Этот художественный элемент был создан нюрнбергским художником Гансом Шванхардом в 1621 г. [5, с. 110], в период развития стиля барокко. Следовательно, и кресло могло быть выполнено не ранее этого времени.

Так как артефакт находится в отечественном собрании, имеется большой соблазн исследовать его и с точки зрения возможности русского происхождения.

Основной массив наиболее ранних архивных документов, характеризующих деятельность придворных мастерских в этом направлении, относится ко второй половине XVII – началу XVIII вв. Тем не менее на их основе можно опосредованно получить представление о работе Мастерской палаты при Иване Грозном в предшествующий период и в начале XVII в., когда создавались базовые условия для возникновения знаменитой Оружейной палаты.

В «Приходных и расходных книгах денежной казне Оружейной палаты 1676–1677 гг.» отмечен ряд предметов, на изготовление которых выделялись средства: «Живописцу Ивану Богданову Салтанову 12 руб. Писал он по наряду в Оружейную палату... шкафы, стулы, столовые доски...» (Цит. по [2, с. 443]). Наряду с живописцами работали столяры-мебельщики, которые были знакомы с изготовлением флемованных дорожников, украшающих костяной трон, что зафиксировано в «Приходных и расходных книгах денежной казне Оружейной палаты 1676–1677 гг.»: «Ствольного и столярного дел мастера... делали... сундуки, шкатулы и столы походные с дорожниками...» (Цит. по [2, с. 445]). Кроме того, в штате состояли и косторезы. Один из них упоминается среди иностранных мастеров в «Приходных и расходных делах и документах 1701–1702 гг.»: «Костяного дела мастер Иван Ган, оклад 90 рублей» (Цит. по [2, с. 446]).

Необходимо отметить, что русские столяры были знакомы с модными образцами европейской мебели и выполняли свои изделия в соответствии со вкусами будущих владельцев. Это подтверждается, например, упоминанием в «Приходных и расходных книгах денежной казне Оружейной палаты в 1711 г.» факта изготовления для сестры императора Петра Великого стола в стиле барокко: «Станочного дела мастера... делали в Преображенское в хоромы царевны Наталии Алексеевны стол липовый на польских ногах...» (Цит. по [2, с. 460]).

Все вышеизложенное позволяет предположить, что создание костяного трона в отече-

ственных мастерских, где работали и иностранные специалисты, было делом вполне реальным. Деревообрабатывающая практика в России имела многовековые традиции, а знакомство с европейской мебелью позволяло осваивать новые приемы формообразования и декора, в том числе и резьбу по кости. Однако подтвердить эту гипотезу можно лишь после тщательного исследования нюансов технологии изготовления кремлевского артефакта.

Особенностью художественного оформления этого тронного кресла является украшение костяными панелями, расположенными со всех сторон, что предполагает круговую экспозицию, а не пристенную, что свойственно парадным седалищам, предназначенным для размещения у стены на тронном престоле. По сути, исследуемое кресло больше напоминает экспонат художественно-промышленной выставки, демонстрирующий, скорее, виртуозную работу косторезов, чем объект мебелировки, предназначенный для использования по прямому назначению. Как декорация воспринимается и ступень на тонких металлических вертлюгах, на первый взгляд кажущаяся откидной. Фактически же конструкция статична, а возможность трансформации – иллюзия.

Впечатление эфемерности ступени усиливается благодаря покрывающим ее тонким пластинкам. Кажется, что резная поверхность не выдержит нагрузки. Столь же хрупкой выглядит и спинка, явно рассчитанная скорее на декоративный эффект, чем на функцию надежной опоры.

Был ли предмет единственным отделанным костью среди придворной мебели для сиденья? По свидетельству Д. Д. Иванова, также размышлявшего над этим вопросом, «...по сохранившимся данным, в обиходе царей имелись и другие “стулья”, резанные из кости. Некоторые посохи, по-видимому, переделаны из стоек подобных предметов, и по ним можно судить, что использование материала направлялось в сторону ажурной, т.е. наиболее трудной резьбы на проем» [4, с. 12].

В источниках, описывающих царское имущество, неоднократно встречается не кресло, а «стул большой костяной». Первые сведения о нем относятся к 1632 г., из них становится очевидно, что это предмет старинный, о чем

говорит его ветхое состояние – «кость порчена во многих местех» [9, л. 53 об.]. Для сохранения раритет был передан в «реставрацию», а затем поставлен на учет: «во 1632 году взят тот стул в мастерскую, а из мастерские отнесен в оружейный приказ и в 1641 году февраля тот стул по памяти из серебряного приказа за приписью подъячего Богдана Силина прислан на казенный двор и в приходскую книгу писан у подъячего Григория Демина» [9, л. 53 об.]. Именно в 1641 г. стул упоминается еще раз в «Записных Взыскных книгах Большому государевому наряду 23 июля 1641 г.»: «Снесен с верху стул большой костяной в казну» [Цит. по: 2, с. 36]. А в 1642 г. появляется его описание: «Стул большой костяной резной абломка серебрен прорезные через грань золочены под стулом шесть левиков медяных золочены верх атлас турецкий по серебряной земле золото в местах шолк зелен подложен бархатом черевчатым гладким тесьмы в четырех местах шелком шесть кистей шелк черевчатый золотом ворворки⁵ низанный по камке⁶ таусинном⁷ жемчугом» [9, л. 53].

В современном понимании это описание следует трактовать так: «Стул большой костяной резной; (по углам спинки находятся. – Н. У.) серебряные яблоки (шарообразные детали. – Н. У.) прорезные с золочеными гранями; стул опирается на шесть медных позолоченных скульптурных изображений львов; стул обит турецким золотным, зеленым в основе, атласом; зеленый шелк и гладкий красный бархат (вероятно. – Н. У.) составляют вкладную подушку или сиденье; стул отделан шелковой тесьмой (которая, скорее всего, скрывает края обивки. – Н. У.) и шестью исходящими из золотных “бусин” кистями, составленными из красных шелковых и фиолетовых нитей, низанных жемчугом»⁸.

⁵ Ворворки – украшение на одежде, конской сбруе и т.п. в виде шарика на тесьме или шнурке, прикрепляемого к кистям [16, с. 29].

⁶ Камка – шелковая цветная узорчатая ткань [15, с. 48].

⁷ Таусинь – ткань темно-синего с вишневым отливом цвета [18, с. 226].

⁸ Характеристика тканого декора была составлена на основании консультации с Н. В. Суэтовой, заведующей отделом ткани и костюма Исторического музея.

По принципу обивки этот памятник напоминает кресло царя Михаила Федоровича, в отделке которого также использованы различные ткани, тесьма и кисти. Костяной декор, вероятно, располагался лишь на деталях конструкции.

Возвращаясь к вопросу о количестве костяных кресел в составе кремлевского имущества, думается, что оно было представлено не в единичном экземпляре. Обращение к тексту источников позволяет установить кардинальные отличия облика ныне существующего предмета и описанного в документах: доминирующему костяному обряду здесь противопоставляется продуманная, согласованная по цвету отделка «стула большого костяного» из драгоценных металлов и тканей, с использованием тесьмы и кистей, сложных по составу.

В художественном решении «большого стула» и «костяного трона» воплотились совершенно разные манеры исполнения. Их сходство заключается лишь в наличии шести скульптурных изображений львов, выполняющих функцию ножек. Именно так сегодня выглядят опоры костяного кресла. Однако на изображениях, зафиксированных А. Ф. Малиновским [6, с. 111], и на рисунках Ф. Г. Солнцева [13, с. 84] они отсутствуют.

Еще одно наблюдение, которое кажется важным, – фигуры львов под ступенью и непосредственно под креслом расположены под прямым углом друг к другу, что выглядит крайне неорганично для статичной в целом композиции, где строго соблюдаются параллельность и осевая симметрия. Кроме того, их объем наполовину скрыт корпусом предмета, исключая задние ножки – наименее значимые для фронтальной экспозиции. В связи с этим возникает сомнение в аутентичной принадлежности указанных деталей. Вероятно, их появление следует связать с результатами поздних реставраций и прежней принадлежностью другому памятнику. Представляется, что это тот случай, когда по описанию 1630–1640-х гг. в единую композицию были включены «шесть левинок медяных золочены» и «шесть кистей шелк черевчатый», а «кость порчена во многих местех» [9, л. 53 об.]. Возникает вопрос, не об этом ли старинном пред-

мете идет речь в истории о привезенном Софьей Палеолог в Москву приданном?

Если верно предположение А. Ф. Малиновского [6, с. 110], что трон Палеологов получен из сокровищниц императора Мануила II Палеолога⁹ или его сына, Андроника Палеолога¹⁰, то это парадное кресло вполне могло быть выполнено в ренессансной традиции и по принципу построения конструкции напоминать известные нам троны русских царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых.

Возможно, этот византийский раритет не был утрачен и ныне находится в основе существующего костяного трона, поскольку преобразования его внешнего облика осуществлялись неоднократно. Вполне вероятно, что в процессе бытования реконструирована ступень, перекрывшая фигуры скульптурных опор, а поверхности, прежде украшенные драгоценными тканями, использовали как основу для костяных пластин.

На следующем этапе кардинальные изменения коснулись спинки, что следует из анализа изобразительного материала. Со времени публикации 1807 г. [6, с. 84] до 1851 г. [13, с. 84] были заменены не только боковые навершия («яблоки»), но и вся антиквизированная стилистика спинки преобразилась в ренессансную с гротесками весьма фривольного характера, обрамляющими российский герб. Интересно отметить, что именно в 1830-е гг. вошел в моду стиль «à la Renaissance», породивший целое направление, развивавшееся на протяжении всего XIX столетия как в Европе в целом, так и в России в частности. В его основе лежал интерес к переосмыслению наследия этого художественного направления, на базе которого создавались современные интерпретации, копиянные произведения, а также стилизованные предметы с включением подлинных деталей работы итальянских мастеров. В таком ракурсе, по нашему мнению, изменение декора трона могло стать программным

⁹ Мануил II Палеолог (1350–1425) – представитель византийской императорской династии Палеологов, император в 1391–1425 гг.

¹⁰ Андроник Палеолог (1400–1429) – византийский деспот Фессалоник, 1408–1423 гг.

шагом для эпохи историзма. Это время в мировой практике явилось благодатным периодом для создания как совершенно новых произведений в стилях ушедших эпох, так и объектов, представляющих собой, по сути, компиляции из деталей древности, включенных в структуру современных предметов и ставших таким образом умышленно созданными мемориями.

Именно после такой значительной переделки кресло было использовано в коронационных торжествах императора Александра II в 1856 г. и изображено на его парадном портрете работы В. Тимма наряду с короной, скипетром и державой. Возможно, этот выбор обусловлен желанием подчеркнуть связь российского престола с византийским и вместо традиционных для подобного случая кресел царей Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых отдать предпочтение «креслам греческим... самой старинной работы» [6, с. 110].

Говоря об атрибуции «костяного трона», следует отметить, что основная часть его

декора, безусловно, сделана европейскими мастерами. Несмотря на то, что форма подлокотников характерна для мебели Ренессанса, определяющим фактором все же является наличие флемованного дорожника – характерного элемента барокко, что, в конечном итоге, и позволяет выяснить нижнюю границу даты создания предмета – после 1621 г. Этот период возможно определить как переходный от эпохи Возрождения к барокко, когда выполнялись предметы с чертами уходящего и нарождающегося стилей.

Верхняя граница создания памятника относится к 1830-м гг., когда было зафиксировано изображение трона с рядом очевидных преобразований, близкое к его современному облику. Безусловно, что мы находимся только в самом начале пути экспертирования этого уникального памятника, но обнаруженные факты и выдвинутые нами предположения важны для эффективного продолжения этого крайне важного дела, составляющего основу музейной практики, – атрибуции экспонатов.

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
uglevan@ya.ru

The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries

Abstract. The study aims to clarify the attribution of two throne chairs (“diamond throne” and “ivory throne”), which are part of the collection of the Kremlin Armoury, since their dating and origin are still objects of scientific discussion. The materials used were the furniture items themselves, documents from the Russian State Archive of Ancient Acts, published documents of palace orders and the Armoury Archive, coronation albums, as well as the results of previous historical, art history and museological studies conducted by various scientists during almost two hundred years. The author for the first time considers the studied artifacts as objects of furniture art, using the method of stylistic analysis, the comparative method, research methods used in source studies and specialized auxiliary scientific disciplines, as well as methods and techniques for establishing the text. The author substantiates the dating of the appearance of Alexei Mikhailovich’s throne chair in the Kremlin Treasury, reveals the name of the person who ordered the throne and the role of persons involved in donating the throne chair. The author analyzes references to the chair in the coronation albums and in later studies containing the image of the subject. The exhibit is considered from the point of view of the development of furniture art: the author examines its shape, decorations, miniatures placed on its body, and the dedicatory inscription. The author infers that the throne chair dates back to the 15th–16th centuries, its original manufacturers were European masters working in Persia, and that new elements were

added to the decor in a later period. Analyzing the ivory throne, the author draws an analogy between this throne and the throne of Maximianus of Ravenna (6th century), tracing the two chairs back to the legendary throne of King Solomon. Based on the analysis of the decor details, the author argues that the ivory throne appeared no earlier than in 1621. She hypothesizes that the throne has a Russian origin. The author describes the decoration of the throne and proves the idea that it was not the only piece of furniture decorated with ivory decor in the royal treasury. Based on the sources of the first half of the 17th century, the author describes a similar object – a “large ivory chair”, indicates the details that distinguish it from the ivory throne. She assumes that these two items are actually the same artifact dating back to the 14th century, which, during its existence, survived multiple reconstructions and changes, and took its final shape in the 1830s.

Keywords: attribution, throne chairs, ivory throne, diamond throne, Tsar Alexei Mikhailovich Romanov.

Использованная литература:

1. Бобровницкая И.А. Регалии российских государей. М.: ИД Максима Светланова, 2004.
2. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 гг. Вып. 2. М.: Типо-лит. С.П. Архипова и К°, 1883.
3. Вишневецкая И.И. Ювелирные изделия и торевтика Востока // Сокровища Оружейной палаты. Посольские дары. М.: Красная площадь, 1996. С. 199–227.
4. Иванов Д.Д. Искусство мебели. М.: Гос. изд-во, 1924.
5. Кес Д. Стили мебели. М.: В. Шевчук, 2001.
6. Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего русского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. М.: Тип. имп. мос. ун-та, 1807.
7. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Императорская акад. наук, 1744.
8. Описание коронации ея величества императрицы, и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году. М.: Сенатская тип., 1730.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1292.
11. Сайт Музеев Московского Кремля, витрина 51 [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL: <http://http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (дата обращения 01.05.2017).
12. Сайт Музеев Московского Кремля, Приглашение на заседание ученого совета Музеев Московского Кремля 14 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL: <http://www.kreml.ru/research/scientific-council/zasedanie-uchenogo-soveta-20100414/>. (дата обращения 13.06.2016).
13. Солнцев Ф.Г. Древности Российского государ-

References:

1. Bobrovnitskaya, I.A. (2004) *Regalii rossiyskikh gosudarey* [Regalia of Russian Sovereigns]. Moscow: ID Maksima Svetlanova.
2. Viktorov, A.E. (1883) *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613–1725 gg.* [Description of Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders of 1613–1725]. Vol. 2. Moscow: Tipo-lit. S.P. Arkhipova i K°.
3. Vishnevskaya, I.I. (1996) *Yuvelirnye izdeliya i torevtika Vostoka* [Jewelry and Toreutics of the East]. In: Vishnevskaya, I.I. et al. *Sokrovishcha Oruzheynoy palaty. Posol'skie dary* [Treasures of the Armory. Ambassador Gifts]. Moscow: Krasnaya ploshchad'. pp. 199–227.
4. Ivanov, D.D. (1924) *Iskusstvo mebeli* [Furniture Art]. Moscow: Gos. izd-vo.
5. Kes, D. (2001) *Stili mebeli* [Styles of Furniture]. Moscow: V. Shevchuk.
6. Malinovskiy, A.F. (1807) *Istoricheskoe opisanie drevnego rossiyskogo muzeya, pod nazvaniem Masterskoy i Oruzheynoy palaty v Moskve obretayushchegosya* [A Historical Description of an Ancient Russian Museum Called the Workshop and Armory in Moscow]. Moscow: Imperial Moscow University.
7. Imperial Academy of Sciences. (1744) *Obstoyatel'noe opisanie torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnago vshestiya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneyshago koronovaniya eya avgusteyshago imperatorskago velichestva vsepresvetleyshiya derzhavneyshiya velikiya gosudaryni iperatrity Elisavet Petrovny samoderzhitsy vserossiyskoy, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A Detailed Description of the Solemn Procedures for the Successful Entry Into the Reigning City of Moscow and the Most Sacred Coronation of Her Imperial Majesty, the Most Serene Great Empress Elizaveta Petrovna, the Autocrat of All Russia. The Entry Was on February 28, Coronation on April 25, 1742]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Anon. (1730) *Opisanie koronatsii eya velichestva imperatrity, i samoderzhitsy vserossiiskoi, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya 1730 godu* [Description of the Coronation of Her Majesty Anna Ioannovna, the Empress and the Autocrat of All Russia, Solemnly Sent in the Reigning City of Moscow, April 28, 1730]. Moscow: Senatskaya tip., 1730.

- ства. М.: Тип. Александра Семена, [1849–1853]. Отд. II.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975.
 15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975.
 16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М.: Наука, 1976.
 17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
 18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: Наука, 2011.
 19. Успенский А. Описи Мастерской палаты (1727–1810 гг.) // Успенский А. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. С. 25–64.
 20. Филатова Т.В. Трон царя Михаила Федоровича в собрании Оружейной палаты // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 24. М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2014. С. 108–118.
 21. Чернуха Э.П. Коллекция тронов // Оружейная палата Московского Кремля / науч. ред. А. К. Левыкин. М.: Слово, 2006. С. 43–54.
 9. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 396. List 2. Part 1. Item 6.
 10. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 396. List 2. Part 3. Item 1292.
 11. Moscow Kremlin Museums. (2017) *Sayt Muzeev Moskovskogo Kremlya, vitrina 51* [Website of the Moscow Kremlin Museums, Showcase 51]. [Online] Available from: <http://http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (Accessed: 01.05.2017).
 12. Moscow Kremlin Museums. (2010) *Sayt Muzeev Moskovskogo Kremlya, Priglasenie na zasedanie uchenogo soveta Muzeev Moskovskogo Kremlya 14 aprelya 2010 goda* [Invitation to the Meeting of the Academic Council of the Moscow Kremlin Museums on April 14, 2010]. [Online] Available from: <http://www.kreml.ru/research/scientific-council/zasedanie-uchenogo-soveta-20100414/> (Accessed: 13.06.2016).
 13. Solntsev, F.G. (1849–1853) *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva* [Antiquities of the Russian State]. Part 2. Moscow: Tip. Aleksandra Semena.
 14. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
 15. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
 16. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1976) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
 17. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
 18. Barkhudarov, S.G. (ed.) (2011) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 29. Moscow: Nauka.
 19. Uspenskiy, A. (1906) *Zapisnye knigi i bumagi starinnykh dvortsovykh prikazov. Dokumenty XVIII–XIX vv. byvshego Arkhiva Oruzheynoy Palaty* [Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders. Documents of the 18th–19th Centuries of the Former Archives of the Armory]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy. pp. 25–64.
 20. Filatova, T.V. (2014) *Tron tsarya Mikhaila Fedorovicha v sobranii Oruzheynoy palaty* [Throne of Tsar Mikhail Fedorovich in the Collection of the Armory]. In: Batlov, A.L. (ed.) *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [Museums of the Moscow Kremlin. Materials and Research]. Vol. 24. Moscow: Gos. ist.-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml". pp. 108–118.
 21. Chernukha, E.P. (2006). *Kollektsiya tronov* [Collection of Thrones]. In: Levynkin, A.K. (ed.) *Oruzheynaya palata Moskovskogo Kremlya* [The Armory of the Moscow Kremlin]. Moscow: Slovo. pp. 43–54.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Углева, Н. В. Опыт атрибуции тронного кресла царя Алексея Михайловича Романова и «костяного трона» в XIX–XXI веках / Н. В. Углева // *Наследие веков*. – 2022. – № 2. – С. 80–92. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.006

Full bibliographic reference to the article:

Ugleva, N.V. (2022) The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 80–92. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.006